

О.Ш. Аюпов, аспирант Юридического института ТГУ, г. Томск

ОЦЕНОЧНОЕ МНЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА СВОБОДУ СЛОВА

Ключевые слова: диффамация, оценочное мнение, злоупотребление правом.

Право на свободу мысли и слова является одним из важнейших и основных прав человека. Данное обстоятельство подтверждается тем, что оно закреплено в таких важных международных документах, как Всеобщая декларация прав человека (ст. 19), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 10), Международный пакт «О гражданских и политических правах» (ст. 19). Право на свободу слова закреплено и в Конституции РФ (ст. 29). Данное право, безусловно, является одним из столпов демократического государства.

Вместе с тем, как и любое право, оно не беспредельно, поскольку при его осуществлении могут быть ущемлены права других лиц, в частности, их право на репутацию. Для того чтобы не допустить подобных ситуаций, в российском законодательстве, а именно в ст. 152 Гражданского кодекса РФ, закреплено правило, в соответствии с которым запрещается распространять недостоверные сведения порочащего характера (диффамация). Несмотря на свою кажущуюся простоту, данное правило с момента своего появления вызывало массу споров на практике.

Это привело к тому, что Верховный Суд РФ в своем Постановлении от 24 февраля 2005 г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» дал достаточно подробное ее толкование. Успешность данного постановления подтверждается тем, что почти в любом судебном решении по делу о диффамации имеется ссылка на указанное постановление, даже если это решение было принято арбитражным судом.

Исходя из данного разъяснения высшая судебная инстанция для констатации факта диффамации должна иметь в спорном тексте соблюдение совокупности следующих условий:

- 1) распространение информации в отношении истца;
- 2) сообщение сведений, а не оценочное мнение;

3) несоответствие данных сведений действительности;

4) порочащий характер распространенных сведений.

Настоящая статья посвящена как раз второму условию, поскольку, как нам представляется, самую большую сложность вызывает установление именно данного обстоятельства, так как оно является не столь очевидным из-за своего субъективного характера, что приводит в такого рода судебных делах к частому назначению специальной лингвистической экспертизы.

Следует признать, такое положение не совсем согласуется с общим правилом о том, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств относятся к исключительной компетенции суда (п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. №66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»).

Вместе с тем, на наш взгляд, даже если не учитывать этот запрет, который часто косвенно либо прямо нарушается в правоприменительной практике, эксперт не может подменить судью в данном вопросе еще и потому, что в диффамационных спорах очень часто одна из сторон злоупотребляет правом либо на деловую репутацию, честь, достоинство, либо на свободу слова. Указанный конфликт вынуждает находить баланс между этими правами. Без разрешения данного вопроса нельзя рассматривать иные вопросы, поскольку все доводы стороны, злоупотребляющей правом, образно выражаясь, при рассмотрении должны превращаться в пыль. В том числе это касается доводов о том, что высказанная позиция является всего лишь оценочным мнением.

Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению вопроса о злоупотреблении, необходимо определиться с тем, что все высказывания (суждения) могут быть подразделены на три группы: 1) описательные; 2) оценочные; 3) оценочные с фактической ссылкой [1]. На практике ограничение оце-

ночных суждений от описательных нередко представляет большую сложность.

Вне категории истины стоят абсолютные (частные) оценки (например, «плохой», «ужасный»), потому что суждения о таких оценках могут наполняться различным содержанием и смыслом. Например, один считает книгу плохой, потому что автор, на его взгляд, не был оригинален в изложении сюжета. Другой будет придерживаться такой оценки в связи с тем, что в книге изложены неразумные идеи. Третий так скажет из-за того, что книга напечатана мелким шрифтом и издана в мягкой обложке.

Но ситуация меняется, если в самом суждении указывается на факты, являющиеся основанием оценки. Так, фраза «исходя из того что гражданин N. лишен родительских прав, он плохой отец» будет обладать исковой силой, поскольку факт лишения родительских прав может быть проверен и опровергнут или подтвержден.

Основная сложность разграничения фактов и оценок вызывается тем, что между чисто описательными и чисто оценочными суждениями находится широкий языковой слой так называемых оценочных выражений с фактической ссылкой [2]. «Преступный», «мошенник», «необязательный» — эти и подобные им слова замещают общей личностной оценкой конкретные поступки, и потому в определенном контексте они могут быть пригодны для проверки на соответствие действительности, но только тогда, когда удастся выделить информационную составляющую мнения, очистить его фактическую основу от субъективных взглядов, установок и предпочтений.

Европейский Суд по правам человека последовательно высказывает мнение о необходимости установления фактической составляющей оценочного суждения как необходимого признака диффамации. Эту позицию должны учитывать национальные суды в своей правоприменительной практике, поскольку отступление от такого толкования ведет к отмене судебного акта, в том числе по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 7 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. №353-ФЗ)).

Здесь можно привести решение по делу «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июля 2005 г. Европейского Суда по правам человека, в котором было установлено нарушение Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» признанием российскими судами не соответствующи-

ми действительности сведений об отсутствии у истца *стыда и совести*, изложенных в заявлении Гринберга. Суд подчеркнул, что «придерживается той позиции, что в то время как факты могут быть доказаны, правдивость оценочных суждений не поддается доказыванию. Требование о доказывании правдивости оценочного суждения неисполнимо и само по себе нарушает свободу мнения, что является основной частью права, гарантированного ст. 10 Конвенции» [3]. Подобная позиция высказывалась Европейским Судом по правам человека и в других его решениях, в частности в Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Лингенс против Австрии», а также по делу «Обершлик против Австрии».

Стоит отметить, что мнения могут быть представлены не только оценочными, но и описательными суждениями. В отличие от оценочного суждения, несущего информацию только или преимущественно об отношении субъекта к действительности, описательное суждение информирует о самой действительности, выражает знание о реальных событиях и явлениях.

В лингвистике на основании логического понятия *суждение* принято различать следующие три формы информационных высказываний: утверждения о фактах (констатация фактов), мнения о фактах и предположения [4].

Параметры истинности (ложности) применимы только к утверждениям. Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может быть обоснованным или необоснованным, подтверждаться или не подтверждаться объективными обстоятельствами.

Стоит отметить, что доброе имя в рамках гражданских правоотношений страдает не столько от формы высказывания, сколько от его содержания, в связи с чем закон должен предоставить лицу защиту от диффамации в форме не только недостоверных утверждений, но и необоснованных описательных мнений, беспочвенных нападок.

Можно было бы подумать, что непреодолимым препятствием для опровержения предположений служит то, что они не могут быть признаны не соответствующими действительности, поскольку на такое соответствие и не претендуют. Представляется обоснованной точка зрения Г.М. Резника по данной проблеме. Он считает, что мнения могут опровергаться косвенно через опровержение ложных фактов, на которых они основываются [5].

К сожалению, это не всегда возможно. Например, некоторые журналисты публикуют оп-

ределенную информацию, которая не имеет под собой какой-либо основы. При этом авторы таких материалов добавляют такие «заветные» слова, как «по нашему мнению», «скорее всего», «может быть».

Следует заметить, что к описательным мнениям (о существовании каких-либо фактов реальности) Европейский Суд по правам человека подходит жестче, чем к мнениям-оценочным суждениям. Если не требуется обосновывать аксиологические оценки (без выраженной фактической ссылки), то для проблематичных диффамирующих высказываний, укладывающихся в схему «было – не было» обязательна фактологическая база.

Это подтверждается решением Европейского Суда по правам человека в деле «Г.И. Чернышева против Российской Федерации» от 10 июня 2004 г. Суд объявил неприемлемой жалобу журналистки на нарушение ее прав на свободу мнений российскими судами.

Г.И. Чернышева опубликовала две статьи о гражданско-правовом споре между супругой прокурора Т. и ее соседями Ж., проживающими в чердачном помещении над квартирой Т. и проводившими там несанкционированные строительные работы. В статье было высказано *предположение* о том, что разрешение судом спора в пользу супруги прокурора стало возможным благодаря влиянию на суд самого прокурора Т., а подача иска вызвана недовольством Т. жилищными условиями и желанием улучшить их за счет соседей.

Центральный народный суд города Калининграда удовлетворил иск Т. к Г.И. Чернышевой о защите чести и деловой репутации, в частности, записав в решении: «Таким образом, анализируя исследованные доказательства, оценивая содержание статьи в целом, заголовок статьи, а также то, как такое сообщение могло быть воспринято здравомыслящим членом общества, суд приходит к выводу, что сообщение-рассуждение автора статьи о существовании судебного спора и выражение мнения автора статьи не совпадает с действительным положением».

Соглашаясь с таким решением, Европейский Суд по правам человека указал: «Европейский Суд полагает, что в данном деле нет необходимости исследовать, являлись ли оспариваемые извлечения из статей заявителя изложением фактов или оценочными суждениями. Даже при самом либеральном толковании обвинение подобного рода, выдвинутое заявителем, требовало некоторого фактического обоснования. Тем не менее, по мне-

нию Европейского Суда, подобное обоснование явно отсутствовало, <...> утверждения заявителя не представляли собой справедливый комментарий к процессу осуществления правосудия, а скорее являлись безосновательными нападениями на деловую репутацию прокурора» [6].

Из приведенного решения видно, что подход Европейского Суда по правам человека к мнениям в виде проблематичных описательных суждений аналогичен подходу к мнениям-оценочным суждениям, где возможно проверить факты, на которые ссылается автор высказывания. Мнение, основывающееся на достаточной фактологической базе, считается честным комментарием и защищается ст. 10 вышеназванной Конвенции. Мнение, основанное на ложных фактах, опровергается вместе с ними. Не подкрепленное никакими фактами мнение не защищено ст. 10 Конвенции. Оно приравнивается к диффамирующему утверждению и влечет за собой опровержение как не соответствующее действительности и взыскание компенсации.

Для российского правопонимания такое толкование является весьма расплывчатым. Но нам представляется, что если решения Европейского Суда по правам человека переложить на российскую почву, то можно сделать однозначный вывод о том, что правоприменитель в диффамационных спорах обязательно должен выяснять, имелся или нет в рассматриваемом им деле факт злоупотребления правом на свободу слова со стороны лица, распространившего информацию. Вместе с тем, исходя из практики Европейского Суда по правам человека, указанное обстоятельство носит характер, скорее, исключения, чем общего правила. В большинстве случаев лицо, распространившее информацию, действует в общих правовых границах.

Таким образом, при рассмотрении диффамационного спора суды, прежде чем установить, является ли распространенная информация утверждением о факте или оценочным мнением, должны определиться, имеются ли в деле сведения о злоупотреблении со стороны распространителя или нет. Данное злоупотребление может выражаться в том, что высказывания лица являются весьма критическими, но вместе с тем суду не представлены какие-либо основания для построения таких предположений. Особо подчеркнем, что здесь речь идет не о доказательстве тех или иных фактов, изложенных в оспариваемых сведениях, а о предоставлении какой-либо основы для того, чтобы можно было сделать соответствующие выводы.

Следует заметить, что факты злоупотребления имеют место в редких случаях, поэтому надо ориентировать суды на более осторожное применение данного правила. Иное приведет к необоснованному ограничению права на свободу слова, что может, в свою очередь, повлечь соответствующее решение Европейского Суда по правам человека.

Такие разъяснения, на наш взгляд, было бы целесообразно закрепить на уровне руководящих разъяснений высших судебных инстанций, например, дополнив перечень условий установления диффамации условием о злоупотреблении правом со стороны лица, распространившего информацию.

1. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / под общ. ред. К.И. Скловского. М., 2006. С. 10.

2. Там же.

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. №12. С. 96.

4. Решение Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2004 г. по делу «Г.И. Чернышева против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2005. №2. С. 90–101.

5. Резник Г.М., Скловский К.И. Указ. соч. С. 20–22.

6. Там же. С. 23.